

Концепт «любовь» в британском поэтическом дискурсе XVII века: содержательные особенности и дисперсия грамматических средств

Ю. Б. Маркова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
julia@themarkovgroup.com

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные особенности и дисперсия грамматических средств выражения концепта «любовь» в британском поэтическом дискурсе XVII века. Целью исследования было изучить репрезентацию категории эмотивности на материале 500 эмотивных предложений ранненовоанглийского периода. В работе были использованы методы контекстного анализа и количественных подсчетов. Автор приходит к выводу, что самой частотной конструкцией, репрезентирующей категорию эмотивности на синтаксическом уровне, оказалась восклицательное предложение с междометиями и восклицательными частицами в начале. Лексические средства рассматриваются автором как способ формирования у читателя определенного образа объекта любви.

Ключевые слова: концепт, любовь, синтаксис, синтаксические конструкции, эмотивные конструкции, эмоции, эмотивность, поэтический дискурс

Для цитирования: Маркова Ю. Б. Концепт любовь в британском поэтическом дискурсе XVII века: содержательные особенности и дисперсия грамматических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 55–62.

Original article

The Concept of Love in the XVII Century British Poetic Discourse: Content Features and Dispersion of Grammatical Means

Yulia B. Markova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia@themarkovgroup.com

Abstract: The article focuses on the content features and the dispersion of grammatical means expressing the concept of “love” in the British poetic discourse of Early New English. It pursues the goal of studying the representation of emotiveness on the example of 500 emotive sentences of Early New English. The basic methods of research applied by the author were those of context and quantitative analysis. The most frequently used structure in 17th-century British poetic discourse, representing the category of emotiveness on the syntactic level, is the exclamatory sentence with interjections and exclamatory particles at the beginning. The author views lexical means as a way of forming a certain image of the object of love.

Key words: concept, love, syntax, syntactic structures, emotive structures, emotions, emotiveness, poetic discourse

For citation: Markova, Yu. B. (2025) The concept of Love in XVII century British poetic discourse: content features and dispersion of grammatical means. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 55–62. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любое художественное произведение воспроизводит эмоциональную жизнь человека. Проявление, выражение эмоций формируются культурой народа или отдельного привилегированного социального класса внутри него, а культура, в свою очередь, находит свое отражение в языке. Эмоции концептуализируются и вербализуются в национальном языке. Поэт в момент создания поэтического текста не свободен от общепринятых социокультурных шаблонов и глубинных представлений нации о том, в какой манере следует делать достоянием публики свои сугубо частные, личные, сокровенные чувства и переживания. Об этом пойдет речь в статье, которая ставит своей целью изучить содержательные характеристики концепта любовь в британской любовной лирике XVII века и описать доступный авторам избранного для анализа периода арсенал грамматических и лексических средств для выражения эмоций.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить терминологический аппарат и изучить подходы в современной лингвистике к понятиям «концепт», «эмотивность», «эмотивная интенция», «эмотивные предложения»;
- 2) определить основные типы выражения концепта любовь в зависимости от адресата любви, преобладающие по частотности в поэзии XVII века;
- 3) проанализировать распространение лексико-грамматических средств для реализации концепта в синтаксической конструкции.

Для решения поставленных задач нами были избраны методы контекстного анализа, количественных подсчетов и непосредственного наблюдения и применены к 500 эмотивным предложениям поэзии ранненовоанглийского периода, которые были отобраны методом сплошной выборки.

Актуальность работы обусловлена интересом к изучению выражения чувств в поэзии, в частности любви, в самом начале новоанглийского периода, когда современный английский язык только формировался под влиянием таких авторов, как В. Шекспир, К. Марлоу и др. Лингвистическое направление, изучающее эмоции (эмотиология), сегодня одно из самых актуальных, ввиду интереса к изучению человека чувствующего [Шаховский, 2008; Ленько, 2015].

Новизна работы заключается в раскрытии механизмов репрезентации категории эмотивности на синтаксическом уровне. Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования

представляют интерес с точки зрения изучения грамматики и истории английского языка, так как позволяет детально изучить содержательную сторону концепта «любовь», который является одной из самых противоречивых и многогранных.

ОБЗОР АКТУАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данном исследовании, основным предметом изучения является концепт «любовь». В работе мы опираемся на труды отечественных лингвистов, в которых концепт рассматривается максимально многосторонне. Концепт может быть единицей ментальности, сознания, мысли, языковой картины мира [Прохоров, 2008; Карасик, 2007; Грузберг, 2003]. Нам в рамках статьи интересны выводы о том, что концепт может быть «универсальным для всего человечества, и детерминирован национальной спецификой мышления говорящего, его культурными устоями» [Прохоров, 2008, с. 24]. Он также динамичен во времени, так как отражает картину мира говорящего в определенную эпоху, но у него обязательно должна быть стабильная составляющая, не подверженная влиянию времени. В этой связи нам представляется интересным изучить концепт «любовь» как отражение информации о мире и культуре в определенный срез времени.

Крайне важно понимать, чем концепт может быть выражен: словом [Аскольдов, 1997], корнем слова [Зиновьева, 2003], категориями и формами языка [Колесов, 2000], гештальтом и фрейм-структурами [Желтухина, 2003], текстами и синтаксическими конструкциями [Ляпин, 1997]. В нашем исследовании мы понимаем «концепт» как ментальную структуру в сознании индивида, которая обеспечивает выход на концептосферу социума и культуру [Прохоров, 2008]. Мы провели анализ «концепта» с точки зрения его создания синтаксическими структурами в сочетании с лексическими средствами, которые вместе и отражают языковое видение мира и национально-культурной ментальности. Вслед за современными лингвистами мы будем считать главной целью речевой деятельности поэта вербальную манифестацию эмоций, которая, в свою очередь, является, с одной стороны, стилем автора, с другой – отражением картины мира изучаемого периода, ведь концепт как лингвокогнитивное явление выступает «единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [Кубрякова и др., 1996, с. 90]. Эмоции проявляются и передаются в тексте через материальные репрезентативные языковые знаки: лексику и синтаксис, которые способны выполнять экспрессивную функцию.

С тех пор как начала формироваться новая антропоцентричная лингвистическая парадигма, лингвистические теории не могут игнорировать сферу человеческих эмоций. В современной лингвистике эмоциональные переживания рассматриваются как социально осознанные и типизированные В. И. Шаховским. Автор одним из первых определял понятие эмотивности как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, а также отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции [Шаховский, 2004; Шаховский, 2008]. Язык служит для рациональной обработки знаний, для хранения и дальнейшей передачи их следующим поколениям, но этот процесс сопровождается эмоциональными переживаниями, поскольку в человеке всё движимо эмоциями. Другими словами, эмотиология как наука о вербализации эмоций тесно связана с когнитологией, наукой о структуре знаний. Данное исследование имеет лингвокогнитивный вектор, так как изучение работ конкретных авторов помогает выявить общие закономерности развития поэзии в изучаемый период.

Для создания более глубокого лингвокогнитивного концепта автору поэтического текста и его читателю необходимо иметь общий набор компонентов фонового знания, в том числе межкультурного. Оpozнание эмоции происходит за счет домысливания при наличии у читателя необходимых знаний и эмоциональной компетенции. Слово, кодирующее эмоцию, хранит все лингвистические и экстралингвистические знания человека об этой эмоции, т. е. хранит его эмоциональную компетенцию. Под эмоциональной компетенцией подразумевается способность выражать свои собственные эмоции и понимать эмоции других людей.

Эмотивные элементы одного уровня в большинстве случаев сопровождаются элементами других уровней: лексического, фонетического и грамматического. Так, например, в восклицательном предложении может быть одновременно несколько знаков препинания или несколько эмфатических конструкций, а сама эмоция может выражаться лексическими средствами, которые являются ключом к пониманию эмоции. Другими словами, одного восклицательного знака недостаточно для понимания эмотивного намерения / эмотивной интенции автора в его стремлении воздействовать на читателя [Орлова, 2009].

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»

В основе нашего исследования лежат типы любви, выделенные в работе Э. Фромма: родительская (чаще материнская), любовь детей к родителям и эротическая / романтическая любовь, братская

любовь, любовь к себе и любовь к Богу, любовь как ответ на проблему человеческого существования [Фромм, 2023]. Однако эта классификация не смогла охватить все существующие категории любви, обнаруженные нами в поэзии изучаемого периода. Нами были обнаружены примеры, которые можно условно отнести к любви к видному государственному деятелю или известной личности, к природе / деревне / родине.

Методом сплошной выборки для проведения анализа были подобраны 500 эмотивных предложений, восклицательных, вопросительных и повествовательных, выражающих концепт любовь, в поэтическом дискурсе XVII века¹. Исследование показало, что весь поэтический дискурс эмотивен, нет эмоционально нейтральных предложений, более того, 98 % предложений про любовь. Однако «любовь» может быть разной степени интенсивности и направлена на разные объекты любви, может быть в мажорной или минорной тональности [Карасик, 2007].

В рамках исследования мы провели количественный анализ того, кто или что чаще всего является объектом любви в поэзии XVII века, а также за счет каких грамматических и лексических средств поэтам удается достичь эмоционального воздействия на слушателя и какие тенденции здесь можно наблюдать. Полученные нами данные представлены ниже в таблицах 1 и 2 в порядке убывающей частотности.

Таблица 1

ВИДЫ АДРЕСАТОВ ЛЮБВИ В БРИТАНСКОЙ ЛИРИКЕ XVII ВЕКА

Адресат / объект	Частотность упоминания (в %)
романтическая любовь	75
любовь к Богу	23,8
любовь к видному деятелю	5
любовь к родине	4,4
любовь к жизни	3,8
любовь к другу	3
любовь к себе	1,6
любовь к семье	1,6
материнская любовь	0
любовь к природе	0
любовь к родителям	0

¹An Anthology of English and American Verse. М.: Прогресс, 1972.

Приведем краткие примеры, дающие нам возможность определить объект любви, например:

- к женщине (романтическая любовь): *Be she sitting I desire her, ... and admire her;*
- к Богу: *Does his Creator's pow'r display;*
- к видному деятелю: *O Cromwell, Heaven's Favourite!*
- к родине / природе: *The valleys, hills, and woods in rich array Welcome the coming of the long'd-for May u m. d.*

Как видно из таблицы 1, любовь к женщине превалирует в 75 % случаев упоминания в поэтическом дискурсе, далее следует любовь к Богу и государственному деятелю. Даже любовь к природе в поэзии этого времени служит лишь привычной метафорой для признания в любви женщине. Примеров признания в любви к природе как таковой обнаружено не было. Отсутствие упоминания материнской любви, возможно, связано с гендерным неравенством в обществе того времени [Неборсина, 1997].

Далее мы проанализировали какими синтаксическими конструкциями и стилистическими приемами автор создает концепт «любовь» на уровне предложения. В рамках исследования мы

опирались на работы Н. Н. Орловой и С. Гринбаума [Орлова, 2009; Greenbaum, 1996].

В XVII веке основная часть предложений – это сложные предложения с большим количеством придаточных с достаточно свободной пунктуацией по сравнению с современной (частые многоточия, запятые и точки с запятой вместо точки, часто создающей ощущение разговорной речи и бесконечного потока, что связано с тем, что синтаксис находился на этапе своего формирования). Замечено некоторое количество восклицательных предложений, в которых наличествует несколько восклицательных знаков, иногда в скобках, иногда через запятую. Однако в целом эмотивные предложения XVII века проявили тенденцию к употреблению без восклицательного знака. А восклицательные же предложения в 80 % случаев начинаются с междометия, добавляющего возвышенности и усиливающего воздействие, как бы сигнализирующие о дальнейшем употреблении восклицательного знака, например: *O, strange effect!* Ниже представлены самые распространенные типы синтаксических конструкций и стилистических приемов, приведенные в порядке убывающей частотности:

Таблица 2

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»
В БРИТАНСКОЙ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ XVII ВЕКА

Название конструкции	Пример	Частотность употребления (в %)
Восклицательные предложения с междометиями и восклицательными частицами	<i>O, strange effect!</i> (<i>Anne Bradstreet. A Letter to Her Husband</i>)	51,4
Повествовательные предложения с лексическим повтором или синтаксический параллелизм	<i>My head, my heart, mine eyes, my life...</i> (<i>A. Bradstreet. A Letter to Her Husband</i>)	11,6
Восклицательные предложения	<i>Divine image!</i> (<i>J. Wilmot. A Song</i>)	8,2
Побудительные предложения без обращения к адресату действия	<i>Welcome, welcome, do I sing</i> (<i>W. Browne. Welcome, Welcome, Do I Sing</i>)	7,6
Побудительные предложения с обращением к адресату действия	<i>Lucasta! stay!</i> (<i>R. Lovelace. To Lucasta</i>)	6
Восклицательные предложения, состоящие из <i>How</i> + прилагательное / наречие + простое двусоставное предложение	<i>How careful was I!</i> (<i>W. Shakespeare. Sonnet XLVIII</i>)	3,4
Вокативные предложения – обращения	<i>O, my Muse!</i> (<i>J. Addison. Marlborough at Blenheim</i>)	3,4
Восклицательные / побудительные предложения с глаголом «let»	<i>Let him rightly study you!</i> (<i>W. Browne. Welcome, Welcome, Do I Sing</i>)	3
Восклицательно-вопросительные предложения, содержащие междометия и представляющие собой риторические вопросы	<i>What do I here?</i> (<i>H. Vaughan. Come, Come-What Do I Here</i>)	3
Восклицательные предложения с инверсией	<i>To none have such high honours from above been shown!</i> (<i>A. Marvell. The Death of Cromwell</i>)	2,4

Данные, суммированные в таблице 2, позволяют нам сделать вывод о том, что любое предложение по цели высказывания может достаточно эффективно использоваться для выражения эмотивной интенции автора стихотворного текста, но наиболее приспособлены для этого восклицательные предложения, которые суммарно превысили 74 % всех проанализированных нами эмотивных предложений. Это неудивительно, так как в XVII веке английский синтаксис проходил важный этап своего формирования. В этом столетии авторы стихотворных текстов прибегали к использованию устоявшегося арсенала синтаксических конструкций. Восклицательные предложения воспринимались ими и их читателями как традиционное средство выражения категории эмотивности в языке. Интересно также отметить тот факт, что большая часть проанализированных нами эмотивных предложений XVII века проявила тенденцию к употреблению без восклицательного знака. Побуждения и риторические вопросы находились на периферии номенклатуры средств выражения концепта «любовь». Последнее утверждение справедливо и для повествовательных предложений, в которых использовался синтаксический параллелизм или лексический повтор.

Проанализируем следующие два стихотворения поэтов XVII века У. Брауна и Э. Марвелля. Первого можно отнести к поэтам-кавалерам, следовавшим канонам возвышенного, мажорного классицизма. Второй являлся представителем течения метафизиков. Их творчеству была свойственна минорная тональность, патетика отчаяния.

For her gait if she be walking,
Be she sitting I desire
For her state's sake, and admire her
For her wit if she be talking:
Gait and state and wit approve her;
For which all and each I love her.
Be she sullen, I commend her
For a modest; be she merry,
For a kind one her prefer I.
Briefly, everything doth lend her
So much grace and so approve her
That for everything I love her.

W. Browne of Tavistock. Song¹

Как видно, У. Браун любит глазами, т.е. визуальный образ возлюбленной очень важен для него. Он начинает с телесной привлекательности: походки (*gait*), статности (*state*), изящества (*grace*), но отмечает также живой ум, остроумие (*wit*). У. Браун подробно рисует идеальный образ

¹URL: <https://www.publicappeal.org/library/dps/obev/obev068.html> (дата обращения: 27.11.2024).

красавицы, клянется ей в вечной любви, потому что другой ему не надо (*I desire, I admire, I approve her, I commend her, I prefer her, that for everything I love her*). В XVII веке женщине позволялось быть объектом любви, но не дозволялось самой рассказывать кому-либо о своих любовных чувствах, это было бы нескромно. Ей разрешено кокетничать, капризничать (*be she sullen – be she merry*). Стихи У. Брауна написаны в эпоху «холодного» классицизма и царства канонов, которые нарушать было нельзя. В них царят пропорция (синтаксический параллелизм и лексические повторы) и гармония: *for her gait / for her state's sake, for her wit, for which all, for a modest, for a kind one; if she be walking, be she sitting, if she be talking, be she sullen, be she merry*.

Теперь рассмотрим стихотворение другого автора XVII века Э. Марвелля, не воспевającego достоинства любимой женщины, а оплакивающего смерть Оливера Кромвелля. Естественным образом данная элегия проникнута минорной, трагической тональностью. В отличие от предыдущего мажорного признания в любви игривость здесь неуместна, скорее уместно философское осмысление жизни и страданий. Здесь, как никогда, чувствуется исторический контекст произведения, стоящий за ним напряженный социально-политический конфликт в период транзита власти и смуты после смерти О. Кромвелля. Автор сочувствует О. Кромвеллю и его политическому наследию, признавая, тем не менее как сильные, так и слабые стороны диктатора.

Стихотворение начинается с риторического вопроса:

What day should him eternize but the same
That had before immortalized his name?
That so who ere would at his death have joyed,
In their own griefs might find themselves employed;
But those that sadly his departure grieved,
Yet joyed, remembering what he once achieved.
And the last minute his victorious ghost
Gave chase to Ligny on the Belgic coast.
Here ended all his mortal toils: he laid
And slept in place under the laurel shade.
O Cromwell, Heaven's Favourite! To none
Have such high honours from above been shown:
For whom the elements we mourners see,
And heaven itself would the great herald be,
Which with more care set forth his obsequies
Than those of Moses hid from human eyes,
As jealous only here lest all be less,
That we could to his memory express.

B. Marvell. The Death of Cromwell

О. Кромвель предстает противоречивым государственным деятелем. Общество разделилось на

тех, кто радовался его смерти *who ere would at his death have joyed*, и тех, кто оплакивал его уход *but those that sadly his departure grieved*. Отношение поэта к адресату создается при помощи лексики, описывающей достоинства – *he once achieved, victorious, gave chase, the laurel shade, heaven's favourite, to none have such high honours from above been shown, heaven itself would the great herald be, with more care set forth his obsequies than those of Moses hid from human eyes*. Сильную сторону его личности характеризуют стремительные военные победы, отсюда – лавровый венок и высокие военные почести главнокомандующего, баловня судьбы и любимчика небес, превзошедшего Богоизбранного Моисея. Свою роль в создании образа играют и лексические повторы, которые создают переход от радости к горю и обратно:

That so who ere would at his death have **joyed**,
In their own **griefs** might find themselves employed;
But those that sadly his departure **grieved**
Yet **joyed**...

На основе в высшей степени положительной оценки Кромвеля, граничащей с обожествлением предмета любви, говорящий формирует свое отношение к объекту любви и пытается повлиять на языковую картину мира читателя или слушателя, так эмоции формируют картину мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде всего нами были изучены понятия эмотивности, эмотивной интенции, эмотивных предложений, современные и классические научные работы, посвященные понятию «концепт», а также «любовь» с психологической и философской точки зрения. Далее методом сплошной выборки был отобран корпус примеров в количестве 500 единиц (повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения, выражающие концепт «любовь») из британского поэтического дискурса XVII века и определены наиболее часто

упоминаемые адресаты любовных строк. Нами был сделан вывод о том, что поэзия XVII века пронизана романтикой, так как любовь к женщине в содержательном плане затмевает собой по частоте упоминания других адресатов любовной лирики. Помимо этого, нами был проведен количественный и качественный анализ синтаксических структур и лексических средств, служащих для формирования концепта «любовь». Мы пришли к ряду выводов:

Любое предложение по цели высказывания может достаточно эффективно использоваться для выражения эмотивной интенции автора стихотворного произведения, но наиболее приспособлены для реализации концепта «любовь» восклицательные предложения, которые суммарно превысили 74 % всех проанализированных нами эмотивных предложений. Поэтический дискурс весь, по сути, своей эмотивный, но к восклицательному знаку авторы того времени прибегали нечасто, так как синтаксические нормы в тот период еще формировались, тем более в поэтическом дискурсе.

Восклицательные предложения в XVII веке начинаются, в основном, с междометия, добавляющего возвышенности. Мы можем объяснить данное явление стремлением авторов XVII века к более эксплицитному выражению своей эмотивной интенции.

На основе в высшей степени положительной оценки, граничащей с обожествлением предмета любви, говорящий формирует свое отношение к объекту любви и пытается повлиять на языковую картину мира читателя или слушателя. Подобное влияние было бы невозможным без использования патетической лексики, формирующих языковую картину мира у читателя или слушателя. Тем не менее лексические средства, а именно лексические повторы, являются вторичным, периферийным, менее частотным средством выражения эмотивности в поэзии XVII века (всего 11 % употребления).

В будущем представляется интересным рассмотреть концепт «любовь» в английской поэзии в динамическом развитии от XVII столетия к веку двадцатому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
2. Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1. С. 84–91.
3. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта, 2008.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
5. Грузберг Л. А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 181–184.

6. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Наука, 1997. С. 267–279.
7. Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. Сборник статей. СПб.: Политехника, 2003. С. 16–21.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., Петербургское востоковедение, 2004.
9. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Институт языкознания РАН; Волгоград, 2003.
10. Ляпин С. Х. Концептология к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск. 1997. Вып. 1. С. 11–35.
11. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
12. Шаховский В. И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. трудов. Волгоград: Центр, 2004. С. 147–168.
13. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
14. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2023.
15. Неборсина Н.П. Синтаксис стихотворной речи как предмет лингвопоэтического исследования (на материале английской поэзии XVI–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
16. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1996.

REFERENCES

1. Shahovskij, V.I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Len'ko, G. N. (2015). Analiz kategorii emotivnosti i smezhnyh s neyu ponyatij = Analysis of the category of emotivity and similar notions. Vestnik of LGU named after A. S. Pushkin, 1, 84–91. (In Russ.)
3. Prohorov, Y. J. (2008). V poiskah kontsepta = In the search for concept. Moscow: Flinta. (In Russ.)
4. Karasik, V. I. (2007). Yazykovye klyuchi = Language keys. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
5. Gruzberg, L. A. (2003). Concept. In Kozhina, M. N. (Ed.), Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (pp. 181–184). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
6. Askol'dov, S. A. (1997). Koncept i slovo = Concept and word. In Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya (pp. 267–279). Moscow. (In Russ.)
7. Zinov'eva, E. I. (2003). Ponyatie «koncept» v ramkah speckursa «Yazykovaya kartina mira: konceptosfera russkogo yazyka» = The term “concept in the course “Language map: the sphere of concepts in the Russian language. Lingvistika, metodika i kul'turologiya v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. Collection of articles (pp. 16–21). St.Petersburg: Politekhnik. (In Russ.)
8. Kolesov, V. V. (2004). Yzyk i mental'nost' = Language and mentality. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)
9. Zheltukhina, M. R. (2003). Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI = Tropologic suggestivity in mass media discourse. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; Volgograd. (In Russ.)
10. Lyapin, S. H. (1997). Konceptologiya k stanovleniyu podhoda. Concept. Scientific works of the concept center. Arhangel'sk, 1, 11–35. (In Russ.)
11. Kubryakova, E. S. et al. (1996). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow: Faculty of Philology. Lomonosov MSU. (In Russ.)
12. Shahovskij, V. I. (2004). Emocional'no-smyslovaya dominanta v estestvennoj i hudozhestvennoj kommunikacii = Emotional semantic dominant in casual and belles-lettres communication. In Yazyk i emocii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoj deyatel'nosti = Language and emotions: Personal meanings and dominants in speech. Collection of scientific works. Volgograd: Center. (In Russ.)
13. Orlova, N. N. (2009). Yazykovye sredstva vyrazheniya emocij: sintaksicheskij aspekt = Language means of expressing emotions: syntactic aspect: Senior Doctorate of Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russ.)
14. Fromm, E. (2023). Isskustvo lyubit' = The art of love. Moscow. (In Russ.)

15. Neborsina, N. P. (1997). Sintaksis stihotvornoj rechi kak predmet lingvopoeticheskogo issledovaniya (na materiale angliiskoi poezii XVI–XX vv.) = Syntax of poetic discourse as a subject of linguistic analysis (English poetry of 16–20 cc.). Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
16. Greenbaum, S. (1996). The Oxford English Grammar. Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Yulia Borisovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of English Grammar and the History of the English Language,

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication